

Для Андрея Громыко Ялтинская конференция была первой из самых важных в его дипломатической жизни

[Алексей Громыко, Директор Института Европы РАН, член-корреспондент Российской академии наук](#)

Армен Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь»: Алексей Анатольевич, разрешите начать наш разговор с 80-летия Ялтинской конференции, в подготовке и проведении которой активно участвовал ваш дед, в то время посол СССР в США, Андрей Андреевич Громыко. Как Андрей Андреевич оценивал итоги Ялты?

Алексей Громыко: Думаю, что для Андрея Громыко Ялтинская конференция была первой из самых важных в его дипломатической жизни, потому что она во многом определила не только итоги Второй мировой войны, но и то, как будет развиваться мир на десятилетия вперед.

Он вспоминал, как все участники конференции, собираясь в главном зале, где проходили официальные переговоры, понимали, что находятся как бы в фокусе истории. Именно в Ялте своего расцвета достигли компромиссность и взаимопонимание между участниками «Большой тройки».

Другое дело, что в этом треугольнике отношения складывались очень непросто. Выделялись двое - Рузвельт и Сталин. Черчилль понимал, что не может встать вровень с ними, хотя эта «Тройка» без него тогда была невозможна. Тем не менее, когда А.Громыко позже встретился в Вашингтоне с Рузвельтом, тот, говоря о войне, сказал, что Черчилль был трудным партнером и время от времени его приходилось «дожимать».

В Ялте Сталину было важно достичь максимума с геополитической и военной позиций. В начале января 1945 года, после личного письма Черчилля на имя Сталина с просьбой ускорить наступление на Германию с Востока, Сталин ответил положительно. Наши войска на несколько дней раньше начали наступление. Висло-Одерская операция была успешно завершена накануне открытия конференции, 3 февраля. Черчилль и Рузвельт это очень оценили. В первый день работы конференции слово дали генералу А.И.Антонову. Он рассказал, что войска Красной армии идут вперед и немцы уже начали переброску дивизий с Западного фронта на Восточный. Это повлияло на атмосферу конференции. Позднее эту операцию назвали «советский антиблицкриг».

А.Оганесян: Во время конференции Рузвельта расположили в Ливадийском дворце. Черчилль жил в Воронцовском дворце. А Сталин между ними - в Юсуповском дворце. Как вы думаете, такое размещение имело некий специальный смысл?

А.Громыко: Распределение между Ливадией, Воронцовским и Юсуповским дворцами показывало, насколько внимательно руководство нашей страны относилось к фигуре американского президента и состоянию его здоровья. Рузвельта разместили именно там, где проходила конференция, чтобы облегчить передвижения до места переговоров.

И, кстати сказать, был такой момент. В один из дней Рузвельт почувствовал себя настолько плохо, что официальные встречи не проводились. Сталин с Молотовым и Громыко посетили президента. Тот просто лежал в кровати. И они, как вспоминал дед, минут 20 сидели около него, разговаривали о Крыме, погоде, на какие-то отвлеченные темы. Затем попрощались и вышли из комнаты. Сталин остановился, вынул изо рта трубку, не спеша начал набивать ее табаком. Потом сказал тихо, так, чтобы слышали только Громыко и Молотов: «За что природа так поступает с этим человеком?» Он имел в виду заболевание, из-за которого Рузвельт много лет не мог ходить и передвигался на коляске. Вот такая личная симпатия была у Сталина к Рузвельту.

Тогда же он спросил у деда, какие корни у Рузвельта? В отличие от Черчилля, который не мог сдерживать своих эмоций, Рузвельт вел себя как истинный англичанин - степенно и спокойно. Дед ему сказал, что у того есть голландские корни, больше ничего неизвестно.

Громыко, как и Сталин, проживал в Юсуповском дворце.

Как-то Сталин вызывает Громыко, протягивает бумагу и говорит, что ему принесли личное письмо от Рузвельта. Просит его перевести. Сталин не знал иностранных языков.

В письме говорилось, что правительство США признает право СССР на Сахалин и Курилы. Они обсудили содержание письма и обратили прежде всего внимание на то, что сам факт признания островов советскими уже является исторически важным обстоятельством. А также подразумевается, что территориальный вопрос идет в увязке с тем, чтобы Советский Союз подтвердил свое вступление в войну с Японией.

Еще дед сказал Сталину, что, может быть, Рузвельт идет на такой шаг, потому что у американцев есть некий комплекс. В американском Портсмуте в 1905 году в ходе российско-японских переговоров о заключении мира американцы де-факто стояли на стороне Японии. А сейчас, скажем, геополитический игральный стол перевернулся.

Все эти обстоятельства имели очень большое значение в том, чтобы наши страны находили общий язык, укреплялись в помыслах, что смогут неплохо - практично и стабильно выстраивать отношения после войны.

А.Оганесян: Одним из главных решений Ялтинской конференции стало создание ООН. Сегодня идут разговоры о ненужности этой международной организации. Что вы думаете по этому поводу?

А.Громыко: Когда Андрея Андреевича в 1980-х годах спрашивали, что он считает самым важным достижением на посту руководителя советской дипломатии или вообще в его дипломатической карьере, то на первое место он ставил выработку Устава ООН и его подписание. На второе - закрепление послевоенных границ в Европе и на третье - создание системы, позже получившей наименование стратегической стабильности, а тогда он это называл достижением военно-политического паритета с Соединенными Штатами.

В этом году мы отмечаем 80-летие Ялтинской конференции, создание ООН и Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Но уже много лет звучат мнения, что события, которые произошли на рубеже 1980-1990-х годов, уничтожили Ялтинско-Потсдамскую систему, а в последние годы - что и ООН устарела, не поспевает за временем и чуть ли не то, что ее дни сочтены.

Думаю, что это очень неправильное и даже опасное заблуждение. ООН на сегодняшний день - единственная организация, с которой все другое, что было создано начиная с 1945 года и до сегодняшнего дня, сравниться по авторитету не может. Это площадка, где державы - большие и малые - могут и публично встречаться, и за закрытыми дверями обсуждать любые интересующие их вопросы. То что мы видим во время официальной части заседаний Совета Безопасности - это вершина айсберга. Намного больше времени дипломаты пяти постоянных и десяти непостоянных членов Совбеза проводят в переговорах за закрытыми дверями, в том числе в так называемой Русской комнате. Ее считают сердцем работы Совбеза.

Мне кажется, не стоит всерьез воспринимать разговоры о том, что значительная часть Ялтинско-Потсдамской системы уходит в прошлое. Это невыгодно никому из постоянных членов Совбеза, об этом фактически нигде не говорят.